

Назидательный урок этой оды и у Горация, и у его ранних русских подражателей – в том, что никакое богатство не может обеспечить душевный покой. Прежде всего, “Будь доволен тем, что в руках имеешь”²⁷.

Обратим внимание на оду I, 5 “К Пирре”²⁸. В 1841 г. А.Н. Майков написал стихотворение “Из Горация. Ода V”, подражание оде I, 5, которое начинается так:

Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?
Кто этот юноша, в венке из алых роз,
Укрыв свой челн в кустах, взбегает на утес
И в гроте на скале тебя он обнимает?...²⁹

Подражание отступает от оригинала – образ челна в кустах является отсебятиной, – но Майков довольно верно сохранил образность и основную идею оды³⁰. Можно отметить семантическую близость к оригиналу и в последней строфе:

Но мне уж этих гроз не страшно дуновенье:
Я вышел на берег, во храм, богам своим
Гирлянды возложил на жертвенник спасенья
И ризы влажные развесил перед ним³¹.

Хотя литературоведы долго были уверены, что использование эпитета “ризы влажные” у Майкова взято из последнего четверостишия стихотворения “Арион”³², настоящее его происхождение и у Майкова, и у Пушкина восходит к эпитету Горация “влажные ризы” (*uvida ... vestimenta*). И хотя вполне возможно, что Майков отдает честь пушкинскому эпитету, он, как и Пушкин, адаптировал эпитет из горациевой оды I, 5.

Стихотворение “Арион” почти во всех отношениях резко отличается от горациевой оды и подражания Майкова³³. В то время, как в “Арионе” Пушкин вспоминает ужасное событие и размышляет о производе судьбы, Гораций и Майков пишут о любви. Однако и в этом отмечается некоторое сходство, ибо все три поэта используют образность бурного моря. Там, где Пушкин пишет о крушении челна – “Вдруг лоно волн / Измял с налету вихорь шумный”, – Гораций говорит (в точном переводе Брюсова) о любви к гетере Пирре, которая может быть опасной:

Кто златою тобой ныне утешен так,
Тот, кто вечно своей, вечно ласкательной
Мнит тебя, забывая
Ветра прихоти. Горе тем,
Кто, не зная, твой блеск ловят!...³⁴

Майков повторяет это предупреждение, но на этот раз резко уходит от оригинала, делая тон и образность более сильными. В то время, как Го-

раций сравнивает женщину с опасным морем, Майков сравнивает море со страстной женщиной, и там, где у Горация просто “Понт под черными ветрами” и “Ветра прихоти”, Майков добавляет к оригиналу сложный комплекс образов “свирепых моря бурь”, тем самым отступая и от Горация и от Пушкина:

Как счастлив он!.. Любовь в очах его горит!
Но он, неопытный, не знает, как неверно
То море! как оно обманчиво блестит,
Подобно женщине, темно и лицемерно!
.....
Но, боже мой! он бурь не слышит приближенья,
Свирепых моря бурь и страшных бурь любви!

Эта тенденция усиливать силу ветра и бури является общим знаменателем русских разработок горациевых од. Бури у Горация сравнительно умеренны. У Пушкина и других поэтов они выглядят страшнее, как в простом, но резком пушкинском стихе “Погиб и кормщик и пловец!”. Там, где Гораций лаконичен, русские поэты увлекаются драматическими образами. В переводе Семенова-Тян-Шанского “черные ветры моря” (*nigris aequora ventis*) превращаются в жестокие волны: “И дивиться жестоким / Волнам, бурею вызванным”. Эта склонность к преувеличению еще более заметна в переводах оды I, 14, где в первых стихах Гораций обращается к кораблю довольно спокойно. У Фета же поэт восклицает: “Корабль, морской волной влечет тебя опять!”, в то время, как у Семенова-Тян-Шанского простой вопрос в оригинале превращается в ряд восклицаний: “О корабль, вот опять в море несет тебя / Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой / Брось!” Даже в переводе известного буквалиста Брюсова появляется патетика: “О, корабль! ведь умчит в море волнение / Вновь тебя! Погоди!”³⁵. В основе этой склонности к ярким выразительным фразам часто лежит равнодушие к высокой религиозной морали, которая складывалась под пером Державина, Капниста и других неоклассических и предромантических поэтов. У декабристов и других радикалов пушкинского времени заметна тенденция усиливать образы бури и применять их к собственной бурной судьбе. Так, в своем стихотворении “Подражание Горацию” (вторая половина 1810-х г.) В.Ф. Раевский драматизирует поиск личной свободы “Пред бурей и грозой, / Средь мрака и забвенья”³⁶.

Это равнодушие к назидательным примерам и интерес к драматизации собственной судьбы обнаруживаются в отношении Пушкина к теме челна и моря в горацианских стихотворениях моралиста М.Н. Муравьева. Как и пушкинский Арион, Муравьев в его стихотворениях смирился с бурей и неизбежностью рока. Однако в его мировоззре-